

ГИБРИДНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: АНТИИСТЕБЛИШМЕНТСКИЕ ПАРТИИ*

Е. В. Морозова

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Поступила в редакцию 30 июня 2014 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности развития современных европейских гибридных партий, в том числе классических и новых антиистеблишментских. Автор анализирует их социальную основу и формы позиционирования, связь с изменениями в характере идентичности и политической культуре, выделяет противоречия. В современном обществе гибридность партий может рассматриваться не как организационная девиация, а как определенная модель развития.

Ключевые слова: публичная политика, гибридные субъекты, партии-гибриды, антиистеблишментские партии, политическая институализация.

Abstract: *the features of the development of the modern European hybrid parties (including classic and new anti-establishment parties) are discussed in the article. The author analyzes the social basis and forms of their positioning, their connection with changes in the nature of identity and political culture, highlights the contradictions. In modern society hybridity of parties can not be referred as an organizational deviation, but as a particular model of development.*

Key words: *public policy, hybrid agencies, hybrid parties, antiestablishment parties, political institutionalization.*

Речь о кризисе традиционных политических институтов зашла в западной политологии в последней трети прошлого века. Как полагает Г. Вайнштейн, это весьма масштабная, устойчивая и достаточно универсальная тенденция. «Практически во всех западных обществах стала неуклонно возрастать доля граждан, испытывающих чувство своей отстраненности от процесса принятия решений, монополизированного основными партиями, и болезненно переживающих свое бессилие и неспособность заставить “традиционных политиков” прислушаться к своему голосу» [1, с. 131]. Современная политическая реальность характеризуется тем, что в число акторов политического процесса входят, наряду с традиционными институтами, новые и нередко носящие гибридный характер, находящиеся на разных этапах политической институализации. «На наших глазах формируется новая архитектура политических коммуникаций, не только ставящая под вопрос устойчивость многих, ранее эффективно работающих механизмов, но и предполагающая конструирование более эффективных политических структур» [2, с. 5]. У. Бек, говоря о гибридах, созданных человеком

(man-made hybrids), имел в виду не только современные риски, но и способы, с помощью которых «гибридное общество» описывает, оценивает и критикует собственную гибридность [3].

Гибридные формы мы находим во всех сферах жизнедеятельности современного общества – гибридные пространства, экономические организации, идентичность, войны. Встречая в сообщении сочетание «4you», понимаем, что имеем дело с гибридом двух семиотических систем. Стиль фьюжн в моде и ресторанном бизнесе – также выражение гибридности. Политическая наука оперировала в последние десятилетия этим термином, обращаясь к изучению гибридных государств (например, государство автономий в Испании) или постсоветских гибридных политических режимов. Все чаще мы встречаемся с использованием гибридной методологии в политических исследованиях, хотя авторы чаще употребляют термин «полипарадигмальность».

Партии-гибриды как особый тип выделил С. П. Перегудов [4]. Он считает, что эти партии совмещают в себе как партийные, так и групповые функции, реализуя их в рамках своего рода синтеза. Одной из первых таких организаций стало движение «Вперед, Италия!», созданное С. Берлускони после кризиса Первой республики в Италии на базе клубов болельщиков футбольного клуба «Милан». Практически все современные антиистеблишментские партии можно отнести к гибридам. Л. В. Сморгун [5, с. 362] выделяет следующие основные черты антиистеблишментских партий: противопоставление себя политическим партиям, являющимся основным политическим классом, представ-

* Статья подготовлена при выполнении научно-исследовательских работ (НИР) по заданию № 2014/75 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ «Гибридные субъекты публичной политики: стратегии и технологии взаимодействия с государством в условиях новой информационной реальности» (2014–2016) (внутренний шифр № 14/54г).

© Морозова Е. В., 2014

ление себя в качестве единственной силы, способной защитить интересы всего угнетенного народа; критика истеблишмента за рационализированную и онаученную риторику, выступления за «понятность» политики и простоту решений; антиавторитарная риторика, определение существующей демократии как фальшивой и авторитарной; подчеркивание своей маргинальности, периферийности, несистемности, акцент на их «невинности» относительно «грязной» большой политики.

Традиционно к антиистеблишментским партиям относят праворадикальные партии Западной Европы (такие, как французский Национальный Фронт или австрийская Партия Свободы). Феномен правых партий (под различными названиями: праворадикальные, правопопулистские, ультраправые и т.д.) неоднократно становился предметом исследования зарубежных и российских ученых. Успех правых под лозунгами евроскептицизма на состоявшихся в мае 2014 г. выборах в Европарламент метафорически назван в первых аналитических комментариях «политическим землетрясением». Национальный Фронт во Франции и Партия независимости Соединенного Королевства стали победителями выборов в своих странах.

С. П. Перегудов исследует кейс относительно новой политической силы, которая довольно бесцеремонно вторглась в партийно-политическое поле, многополизовавшееся тремя основными партиями британского мейнстрима, – Партия независимости Соединенного Королевства (United Kingdom Independence Party – UKIP). Эту партию отличает приверженность основного ядра к «одной цели», каковой для нее является разрыв Британии с Европейским союзом и обретение «независимости». Эта цель все теснее увязывается с требованиями «поставить на место» иммигрантов и резко сократить, если не прекратить вообще, их приток в страну (одним из главных пунктов проекта ее программного документа (к выборам 2015 г.) является 5-летний мораторий (freeze) на иммиграцию с правом постоянного проживания (permanent settlement) с последующим резким ее ограничением) [4]. Представители UKIP открыто заявляют, что цель их работы в Европейском парламенте – развал Евросоюза изнутри. «Партия клоунов, психов, кексов и сортирных расистов», как называли ее недоброжелатели, стала реальной политической силой, с которой традиционным институтам надо выстраивать отношения.

«Неоантиистеблишментские» партии отличаются от «старых» антиистеблишментских как с точки зрения идеологии, так и с точки зрения организации. Если для «классических» антиистеблишментских партий сетевые ресурсы выступают одним из инструментов их организации и мобилизации, но «неоистеблишментские» партии – это чаще всего политически институционализированные сети, причем в их риторике преобладает левый уклон¹. Сети в определенной степени являются механизмами «сшивания» политики в местах

¹ Разумеется, речь идет не о традиционных левых, а скорее о «новых левых» или даже «квазилевых».

«разломов», возникших в результате неэффективности или несостоятельности государственной политики [6]. С одной стороны, политическое участие уходит из партийно-представительского сегмента и трансформируется в гражданские инициативы, формируются принципиально новые акторы публичной политики. С другой стороны, сетевые сообщества не могут эффективно представлять свои интересы, не используя традиционные и признанные в политической организации общества институты. Пример «зеленых», прошедших путь от неформального движения до парламентской (а в конце 1990-х гг. в ФРГ и правительственной) партии, подталкивает сетевые структуры на путь партийной институализации своей политической активности. Неоантиистеблишментские партии – гибрид партийной структуры и сетевого сообщества.

Швеция стала первой страной, в которой в 2006 г. появилась Пиратская партия. Ее целью была провозглашена реформа законодательства в области интеллектуальной собственности, патентов, копирайта. Партия выступила за свободный некоммерческий обмен информацией и недопустимость его преследования по закону, а также за неприкосновенность частной жизни. Д. С. Мартьянов относит «пиратов» ко второй волне формирования постматериалистических партий, идентифицируя первую волну с движением «зеленых» [7, с. 20–31]. Институализация постматериалистических движений, их превращение в системные политические силы, партии интегрирует субполитику и политику, и пусть не полностью, но снимает ряд противоречий. Если «зеленые» действовали в рамках индустриального общества, но «пираты» – следствие нового социально-экономического уклада. Эту формирующуюся на наших глазах новую социальную реальность И. С. Семененко и В. В. Лапкин назвали infomodernity – пространство социального взаимодействия, в границах которого интеграция индивидов достигается на основе качественно измененных и усложненных требований к характеру их участия в социальной коммуникации [8]. Авторы полагают, что утверждение infomodernity сопряжено с процессами глобализации, особенно в информационной сфере, с распространением интерактивных сетевых форм общения.

В 2012 г. пиратские партии существовали в 62 странах мира, 26 из них были объединены в Пиратский интернационал [9, с. 117]. Пиратская партия Швеции провела двух своих кандидатов в Европарламент. Наибольших электоральных успехов добилась Пиратская партия Германии, проведя трех кандидатов в Бундестаг. Еще внушительнее выглядят позиции партии в отдельных землях: так, в Берлине в 2011 г. партия получила 8,9 % голосов и была представлена 15 (из 141) депутатами ландтага и 51 депутатом муниципальных советов. На выборах 2014 г. в Европарламент «пиратам» удалось провести лишь одного кандидата.

Лидер Пиратской партии Германии М. Вайсбанд разъясняет позицию партии следующим образом: «Мы предлагаем совершенно естественное развитие основных понятий либеральной демократии: собственности и управления. Когда-то богатство определялось количеством земли, потом – количеством фабрик. Теперь мы вступаем в эпоху, когда определяющим становится владение информацией. Поэтому “пираты” занимаются проблемами интеллектуальной собственности и демократического управления. Мы хотим овладеть искусством молчания, искусством слушать: что хотят сами граждане?... Чтобы в будущем каждый человек, придя с работы, пять минут тратил на управление государством. Он должен иметь возможность включить компьютер, открыть страницу с актуальными вопросами: строить ли мост в городе, помогать ли Греции? Человек может менять текст вопроса, предлагать собственные темы, просто голосовать. Или передавать свой голос по тем темам, которые он не очень знает, тем, кому он доверяет: ученым, друзьям, политикам. Мы называем такую демократию "Liquid" (жидкой), потому что она может каждый день свободно перетекать из представительной в прямую и обратно. Наша внутрипартийная демократия уже сейчас обеспечивается системой, которая называется "Liquid Feedback"» [10].

В полной мере «неоистеблишментской» партией можно считать движение «Пять звезд» (M5S) в Италии, которое сенсационно получило более четверти голосов избирателей на парламентских выборах 2013 г. Движение, основанное актером-комиком Беппе Грилло, представляет собой популистскую силу, опирающуюся прежде всего на молодежь Севера и Центра, в отличие от «Народа свободы», особенно удачливого на Юге. Основным требованием движение сделало смену всей правящей элиты, а кроме того, использование в процессе управления средств прямой демократии, учет требований экологии, меры против монополизации средств производства и информации. Блог Грилло входит в двадцатку самых популярных в мире. Лидер заявляет, что не принадлежит ни к правым, ни к левым, он «над ними». Еще одна цитата Грилло: «Мы начали войну поколений. Они правили нами от 25 до 30 лет и привели страну к катастрофе. Мы будем исключительной силой» [11]. Как отметил Д. Макдонелл [12], многие избиратели поддержали движение «Пять звезд» только для того, чтобы обозначить «свой окончательный разрыв с партиями мейнстрима». M5S, получив 25,6 % голосов избирателей, показали лучший для партий-новичков результат в Западной Европе. На выборах в Европарламент в 2014 г. «Пять звезд» получили немногим более 21 %.

С. Хенли и А. Сикк [13], упоминая Грилло, прямо говорят о новом типе антиистеблишментских партий в Европе, отмечая быстрый рост партий этого типа в Центральной и Восточной Европе. По мнению авторов, подъем новых антиистеблишментских партий – это

выражение кризиса политики, а не экономики, их породил «распространяющийся (расширяющийся) собой связи между управляющими и управляемыми». Большинство антиистеблишментских партий стоят на позициях умеренного или радикального евроскептицизма. Хотя брюссельские авторитеты называют требования партий «гонкой против времени», политологи предрекают будущие электоральные успехи ряду антиистеблишментских партий, апеллируя прежде всего к неожиданному успеху M5S.

Трансформация неоантиистеблишментских партий имеет главным вектором их институализацию в форме традиционных политических институтов. В то же время она отмечена следующими тенденциями: неразрешенным противоречием между электоральными успехами и отсутствием политического опыта; попытками содержательного наполнения партийных программ взамен декларированных ранее «метаидеологий» и борьбы со «всяческими “измами”»; необходимостью отхода от имиджа «партии одного требования» и «партии одного дня»; развитием определенных авторитарных тенденций; сближением позиций левых и правых популистов, что особенно заметно в восприятии ими европейской интеграции, национализма как элемента евроскептицизма. В ходе последнего электорального цикла популистским организациям отдал свой голос в среднем каждый пятый европейский избиратель, тогда как в начале 2000-х гг. этот показатель составлял 13,1 % [14, с. 24–33]; «перехват» партиями мейнстрима отдельных популярных лозунгов и требований неоантиистеблишментских партий, что ведет к переформатированию политического процесса под влиянием последних.

Ядром неоантиистеблишментских партий являются молодые интернет-пользователи, разделяющие постматериальные ценности в трактовке Р. Инглхарта. Исследование европейского центра DEMOS² показало, что на политической шкале «правые-левые» представители этих партий получили среднюю отметку 3,38, т.е. они практически позиционируются как левоцентристы.

Особенности информационной культуры тех, на кого рассчитывают неоантиистеблишментские партии, диктуют и новые требования к технологиям и формам агитационной работы. Отмечается тяга к зрелищности, наглядности как следствие так называемого «клипового сознания». Гибридные партии превращают политический процесс в своеобразный «политический меланж», совмещая традиционные политические практики с элементами событийного маркетинга, перформанса, эпатажа, которые играют важную роль в мобилизации их сторонников.

² Исследование проведено центром DEMOS в августе 2013 г. Было опрошено около 2000 последователей Грилло и M5S в социальной сети «Фейсбук». Респондентам было предложено позиционировать себя на политической шкале, где 1 означала крайне левый спектр, а 10 – крайне правый.

Партии-гибриды – это феномен, порожденный изменениями в характере идентичности и политической культуре. И. В. Кудряшова полагает, что «гибридность – это сфера трансформации и изменений, где оспариваются фиксированные идентичности, построенные на эссенциалистских установках» [15, с. 93]. Используемая ею метафора известного исследователя феномена гибридности Х. К. Бхабха [16] описывает сферу гибридности как лиминальное пространство между маркированными идентичностями, лестничный пролет, который превращается в соединительную ткань, образующую отличное от верхнего и нижнего, черного и белого. Продолжая эту метафору, можно предположить, что партии-гибриды так и останутся в своем «лестничном пролете», на том этапе институализации, которого они уже достигли. В таком случае гибридность политических партий будет восприниматься не как временное состояние и своего рода организационная девиация, а как модель развития в сложившемся социально-политическом контексте. Возможно, к выявленным С. Рокканом и С. Липсетом расколам (город–село, центр–периферия, государство–церковь, собственники–рабочие) как факторам формирования партийных систем пришло время добавить еще один – «управляющие–управляемые», в условиях информационного общества дающий стимул развитию так называемой «неформальной политики» и ведущий к институализации гибридных партий. Создание и рост популярности гибридных партий свидетельствует об острой актуализации проблематики, необходимости поиска адекватного теоретико-методологического инструментария, пригодного для осмысления процессов, происходящих буквально на наших глазах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правый радикализм в политической жизни современной Европы // Политика стран Запада : содержание, акторы, институциональные проблемы. – М. : ИМЭМО РАН, 2006.
2. Соловьев А. И. Предисловие главного редактора к ежегоднику РАПН 2013 / А. И. Соловьев // Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. – М. : РОССПЭН, 2013.
3. Beck U. Risk Society Revisited : Theory, Politics and Research Programmes / U. Beck // The risk Society and Beyond. – L. : Sage Publications, 2007.

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Морозова Е. В., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой государственной политики и государственного управления
E-mail: morozova_e@inbox.ru
Тел.: 8-861-219-96-27

4. Перегудов С. П. Партии и группы интересов : к новой модели взаимодействия / С. П. Перегудов // Полис. – 2014. – № 1.
5. Сморгун Л. В. Сравнительная политология / Л. В. Сморгун. – СПб. : Питер, 2012.
6. Гнедаш А. А. Конструктивный потенциал сетевого взаимодействия в сфере социальной политики / А. А. Гнедаш, Е. В. Морозова // Демократия и управление. – 2012. – № 2.
7. Мартынов Д. С. Сравнительный анализ постматериалистических партий (на примере «зеленых» и пиратов) / Д. С. Мартынов // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. – 2013. – Вып. 2.
8. Лапкин В. В. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» / В. В. Лапкин, И. С. Семенов // Полис. – 2013. – № 6.
9. Мартынов Д. С. Феномен пиратских партий в российском и мировом контексте / Д. С. Мартынов, Н. А. Мартынова // Ученые записки ЗабГГПУ. – 2012. – № 4.
10. Интервью с политическим руководителем Пиратской партии Германии М. Вайсбанд. – Режим доступа: <http://www.partner-inform.de/index.php/partner/detail/2011/11/170/5160>
11. Партии с улицы. – Режим доступа: www.gazeta.ru/politics/2013/02/27_a_4989669.shtml
12. McDonell D. Too much too young for Italy's Five-Star Movement? / D. McDonell. – Режим доступа: <http://theconversation.com/too-much-too-young-for-italys-five-star-movement-12491>
13. Hanley S. The spread of anti-establishment politics across Central and Eastern Europe may hold lessons for West European countries / S. Hanley, A. Sikk. – Режим доступа: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2013/08/29/>
14. Вайнштейн Г. Популизм в современной Европе : новые тенденции / Г. Вайнштейн // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 12.
15. Кудряшова И. В. Гибридная политическая идентичность / И. В. Кудряшова // Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. Т. 1 : Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений Рос. акад. наук ; под ред. И. С. Семенов [и др.]. – М. : РОССПЭН. – 2011.
16. Bhabha H. K. The location of culture / H. K. Bhabha. – L., N.Y. : Routledge, 1994.

Kuban State University (Krasnodar)

Morozova E. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Public Policy and Public Administration Department
E-mail: morozova_e@inbox.ru
Tel.: 8-861-219-96-27